

ВИКТОР ПАСТУХОВ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ВЕРЕ

Виктор Пастухов — человек научной мысли и судьбы, окончивший в Новосибирске Электротехнический институт, много лет проработавший в энергосистемах, автоматизацию которых он преподавал в различных вузах Приморья. Он заслуженный изобретатель РФ, лауреат многих инженерных конкурсов, профессор Дальневосточного университета. Словом — технарь вроде бы до мозга костей. Но во второй половине жизни он стал и поэтом, издав в 2009 году (в 60 лет!) первую книгу стихотворений, а вслед за ней ещё пять поэтических сборников. В предисловии к последнему из них Митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин написал: “Этот сборник стихов ещё можно назвать исповедью, в которой автор из глубины своей души, из своего жизненного опыта в поэтической форме показывает свой собственный тернистый путь к вере, говорит о своём возвращении через покаяние к Богу... Поистине, как сказал кто-то из земных мудрецов, “малое знание уводит от Бога, а большое приводит к нему”.

Ст. Куняев

СТИХИ ИЗ КНИГИ “РАСПЯТИЕ”

МОЛИТВА

Бьются вода и пламя.
Мир — и жесток, и мил.
Господи, дай мне память
смерти и жизни смысл.

Русское поле мутно.
Волки и вороньё.
Господи, дай мне мудрость
Слово постичь Твоё.

Чистое сердце дай мне,
чтобы я нёс Тобой
страждущим — состраданье,
зlobствующим — любовь.

Клонится в поле колос.
Градом идёт гроза.
Господи, дай мне голос
людям открыть глаза.

ДИАЛОГ

В подвальном баре визг и грохот —
наркотики и рок.

Чревоугодие и похоть
вели бы диалог:

— Как славно — бары, рестораны,
Гей-клубы и стриптиз...

— У нас, мадам, большие планы:
прикончить аскетизм.

Свобода нашей масс-культуры
открыла сто путей
добиться полной диктатуры
над душами детей.

— Для взрослых и без нас, пожалуй,
Найдётся смертный грех:

гордыня, лень... у веры жалкой
нет шанса на успех.

— Прошу, мадам, ваш нежный локоть.
Пора спускаться в зал...

Чревоугодие и похоть
сегодня правят бал...

ПОВОРОТ

Дорогие мои, любимые,
не могу понять, что со мной.

Что за сила неодолимая
возвращает меня домой?

Но не в такт настоящим событиям,
а почти на полвека назад,
где мальцом, что скучал в обыденном,
я ступил на дорогу в ад.

Что за бесы желанья плотские
рассадили тогда во мне?
Что за лица, больные и плоские,
посещают меня во сне?

Вижу нашу квартиру запущенную,
перекошенные потолки,
пол проваленный, трубы текущие,
с “мясом” вырванные замки.

Выбегаю на улицу тёмную
и не знаю, где явь, а где бред.
И кручусь, как дворняга бездомная,
по метели, стирающей след.

Озираюсь на окна знакомые.
Ни огня, ни раздвинутых штор.
Всё вокруг искажённо и скованно,
словно вымерло с тех давних пор.

Занесённые снегом троллейбусы.
И фигурка, бредущая прочь...
Кто же эти холодные ребусы
посылает мне каждую ночь?

Окунает в испуг и смятение,
словно хочет сказать, что вот,
здесь ищи указатель к спасению
и пропущенный поворот.

Или нет мне прощения высшего?
И грехом я навек пригвождён?
Почему же душа не высохла
и болит, продираясь сквозь сон?

Почему по пустынному прошлому
то уныло бреду, то мечусь?
Дорогие мои, хорошие,
подождите — и я возвращусь.

Я вернусь, обновлённый и нежный,
прерывая полночный полёт...
Нужно только найти тот заснеженный,
мой спасительный поворот.

АЛТАРЬ

Я дубовую дверь отворю
и замру в полумраке притвора.
Проведите меня к алтарю.
Мои ноги не сдвинутся скоро...

Мне бы раньше дойти до дверей.
Перед каждой заутреней в храме
отпускает грехи иерей
с голубыми, как небо, глазами.

Но безгодно проспал я зарю
и явился в конце литургии.
Проведите меня к алтарю.
Не чурайтесь меня, дорогие.

Перед вами открыты врата
к небесам и святому престолу.
А во мне и за мной — чернота
и как будто коросты по полу.

Дрожь в коленях своих усмирю.
И страстей оголтелую свору.
Проведите меня к алтарю.
Мне покаяться в самую пору.

БЛУДНЫЙ СЫН

Блудным сыном я в церковь войду.
Видно, мне по долгам и расплата.
И застыну, как рыба на льду,
припадая к стопам у распятия.

А в подсвечниках медно-литых
задохнутся оплавленно свечи.
И почудится шёпот святых:
“До чего ты дошёл, человече?”

Выбегая за отчую дверь,
был ты дерзок и самоуверен.
До чего же ты жалок теперь...
До чего же ты слаб и растерян...”

Незаметно опустится ночь.
Я оттаю от вздохов и плача,
и шагну неприкаянно прочь,
сокрушённого сердца не пряча.

Мне покажется: чья-то рука
невесомо ложится на плечи.
И архангелы вслед с потолка
тихо шепчут: “Терпи, человече...”

ПОКРОВ

Нынче осень щедра и довольна собой.
Стелет рыжие коврики под ноги.
И стекается люд в Кафедральный собор
отчитаться за все свои “подвиги”.

Сколько подано рук или сбито оков?
В чём прибыток и что там не сходится?
Быстро лето прошло, и нагрязнул Покров.
Принимай “урожай”, Богородица.

Мой парадный мундир моль изъела давно
в сундуке меж визитами краткими.
При заслугах моих не собрать на сукно
и уже не прикрыться заплатками.

Среди ярких одежд с покаянной свечой
неуютно босому и голому.
Чем одарит Покров: золочёной парчой
или снегом колючим на голову?

Мы случайным желанием склонны внимать,
от привычек не в силах избавиться.
Вразуми наших чад, Милосердная Мать,
им без помощи с лихом не справиться.

Сколько пролито слёз, сколько сказано слов!
Как ещё удержаться над бездною?
На пороге — зима, за порогом — Покров.
Защити их, Царица Небесная.

Нынче осень щедра, и под стать куполам
тополя за оградой церковною.
И торопится люд в переполненный храм
к аналою с Твоею иконою.

Обмелеет поток, потускнеет очаг,
и топор занесённый затупится,
Но останется боль и надежда в очах:
помоги, Пресвятая Заступница.

* * *

Пока тонул я в немощах своих
и нежил удовольствиями тело,
ты радовалась радостью других,
и болью их, как собственной, болела.

И между нами разница проста:
твоя любовь — спасающая сила.
Я звал Христа, но бегал от креста
который ты на плечики взвалила.

Его несла одна ты за двоих,
не требуя ни почестей, ни платы.
А все мои награды и таланты
не стоят слёз прощающих твоих.

СВЯТЫЕ

Святым не свойственны слова,
что завлекают слабых в сети,
но их дела несёт молва
через границы и столетья.

Они в миру, где смрад и дым,
не оскорбят судом поспешным.
Святой останется святым
пока себя считает грешным.

Стяжая светлые дары
в душе, очищенной от сора,
святой не выйдет до поры
из молчаливого затвора.

Бывает, что среди людей
живёт он, тихий и безвестный,
и только гибелью своей
за правду явит знак небесный.

Но восплававшая свеча
не гаснет в холоде могилы.
И время только множит силы
провидца, воина, врача.

Когда пробьёт урочный час
они восстанут, но покуда
святые покидают нас,
даря любовь и веру в чудо.

СТАРИЦА

Тупик над оврагом окраинным,
где липнут лачуги к селу,
и церковка голубем раненым
горюет в забытом углу.

Под окна, вагонкой* зашитые,
Подол подоткнула пурга.
Икона, над входом прибитая,
и башенка, словно рука.

Поблизости, прямо за горкою
в угоду другим временам
тучны корпуса санаторские
и светел вместительный храм.

А церковка эта заштатная,
как старица в тёмном платке:
икона, у сердца прижатая,
и крест, вознесённый в руке.

АНГЕЛ МОЙ

За окном расползается слякоть,
и потёмки в гостях засиделись у дня.
Если всё позади и осталось заплакать,
Ангел мой, не остави меня.

Если жалит змея угрызений,
и весь мир ополчился, глумясь и вина,
если шабашем кажется праздник весенний,
Ангел мой, не остави меня.

Вороньём налетели соблазны
и кружат надо мной, колготя и маня.
Если плоть и душа им поверить согласны,
Ангел мой, не остави меня.

Всё прилипчивей патока лести,
И приблизилась власть, орденами звеня.
Если нежится разум с тщеславием вместе,
Ангел мой, не остави меня.

Закипает, как варево, злоба.
И горбатая ведьма кружит у огня.
Но падёт ворожба, если выстоим оба.
Ангел мой, не остави меня.

---

* Разновидность строительной доски.